

кина».¹² Об этой книге упоминает и автор послания, говоря о своем намерении приехать к Арсеню (132—133, 136—137):

И мы, грешнии, помышляем к тебе сами быти,
И некое время у твоего любомудрия побыти...
Да одна Дамаскинова многоразумныя книги,
И связаны есмы мыслию об ней, аки некими вериги.

Своей деятельностью по исправлению книг Арсений, как мы видели, нажил себе достаточно врагов. Они несомненно не оставляли Арсения в покое и после того, как он был освобожден из заточения патриархом Филаретом, а после смерти последнего (в 1633 г.) продолжали злобно клеветать на него и восстанавливать против него нового патриарха и самого царя. Возможно, что это было причиной того, что он ушел из Печатного двора (около 1635 г.), отошел вообще от исправления книг, стал сначала головщиком в Кремлевском монастыре, а затем и вовсе уехал из Москвы в дальний монастырь, может быть в тот же Кирилло-Белозерский, где и умер. В послании не один раз говорится о «ненавистниках» и «завистниках», восстающих на Арсения и его друзей (99—108):

И егда нас раздражают и грехом нашим стало велиим,
И всем им востати на нас, аки зверем дивным,
И ненавидят над нами от самодержца призрения.

Кто же был автором данного послания? Уже из начальных стихов видно, что автор — лицо духовное, но еще не имеет чина «священства», не является иереем, т. е. священником, как, по-видимому, следует понимать стихи (7—9):

Не всяк может слагати душеспасительныя стихи,
И несть достоин нарещися чину священства,
И изряднаго на себе по чину носити иерейства.

Однако автор — человек начитанный. В своем послании он рассуждает об иноческой жизни (63—68), приводит свидетельства «божественного писания», изречения из «Пчелы» (35—37, 69—70). Послание показывает, что автор хорошо знаком с тогдашней эпистолярной манерой. Это сказывается, несмотря на его стихотворную форму, в построении послания, в его стиле и фразеологии. Так, послание начинается обращением к адресату с указанием его имени, далее следует пожелание ему здоровья, сообщение автора о себе и своем здоровье, изложение причин письма и рассуждения автора и т. д. При этом автор употребляет и типичные для «епистолий» того времени словесные обороты и выражения. Таковы, например, выражения: «Многогрешный и неключимый раб»; «Последний во всех человецех, а первый в грешницех» (3, 5—6); «А нам бы слышачи твое доброе пребывание радоватися» (16—19); «А пожалуйешь своим благоутробием про нас вопросишь» (20); «А мы, грешнии, по сей час душевне живы, Аще и возрастают в ней помыслы гнилыя» (22—23). Автор наряду с восхвалением ума и душевных качеств адресата подчеркивает свое «худоумие» (29—32, 39—46, 73—75, 168—169 и др.).

Биографические сведения об Арсении Глухом содержат указания на нескольких человек, с которыми был связан Арсений по исправлению книг. Это архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, книгохранитель

¹² См. Д. Скворцов. Инок-справщик Арсений Глухой, стр. 2. — Вероятно, имеется в виду Дамаскинова «Священная философия».